Смерть без надежды

Болезнь дедушки Федота всё усиливалась, с каждой минутой ему становилось всё труднее, сильная боль внутри, бессилие, бред, тяжёлое дыхание, к тому же боль сердца, страх, трепет перед будущим — всё это причиняло ему невыносимые страдания. Смерть была близко к нему, и находясь в таком печальном состоянии, дедушка Федот стонал, охал и вздыхал.

В комнате была полная тишина, только ветер посвистывал в щель окна, иногда напевая какую-то монотонную песню, что ещё больше заставляло его страдать и печалиться. Перед его глазами широко раскрывалась картина прошлого, когда он был ещё молод, в силе и полном здоровье, был хорошим работником, а теперь он, исстрадавшийся в долговременной болезни, потерял и силу, и энергию; к тому же душа не спокойна, он знал, что через небольшое время ему должно предстать перед судом Божьим, а он не готов к суду. Он чувствует, что грех тяготит его сердце, нет надежды, нет веры, страх и трепет смешались с болью плоти. Слеза скатилась по его впалым морщинистым щекам. «Ох, ох!» — простонал дедушка Федот. Иван, находившийся в соседней комнате, услышав сильные вздохи и стоны отца, тихо вошёл к нему, подошёл к его кровати и начал успокаивать своего любимого отца. «Не бойся, батюшка! Господь милосердный даст, поправишься. Что так падаешь духом? Ведь без боли не проживёшь, что поделаешь, поболеешь, выздоровеешь, Господь не без милости». «Ох, Иван! Смерть моя, трудно, умру», — и дедушка заплакал. Иван утёр скатившуюся слезу отца, заплакал и сам, слёзы сдавили ему горло, и он не

мог выразить ни слова утешения. «Позови Семёныча, пусть проведает меня, да помолится», — попросил больной.

Послушный сын быстро запряг в тарантас лошадь и поехал за Семёнычем. Страдания дедушки Федота как будто несколько уменьшились, и он, в ожидании приезда Семёныча, всё смотрел в окно, которое было как раз против его кровати. Ему казалось, что с прибытием Семёныча ему будет легче и веселее. Долго не было Семёныча, время это ему показалось целой вечностью, но вот, наконец, он увидел, что к порогу его дома подъехал тарантас, и из него вылез пожилой старик с большой бородой. Это был долгожданный Семёныч. Медленными шагами Семёныч зашёл в комнату больного. Положив на стол свою огромнейшую славянскую Библию и обернувшись к больному, он поклонился ему.

— Здорово, Федот, ну, как поживаешь?

— Ох, плохо, смерть близко, ох, Боже, умру, а грешник, ох, страшно. Молись, Семёнович?

Семёнович, выслушав жалобы и стоны старичка, сперва начал его успокаивать:

— Не бойся, Федот, не умрёшь, а умрёшь — Бог даст, будешь с Авраамом, Исааком и Иаковым.

— Ох! И я буду там, грехи у меня, ох!

— Почему бы тебе и не быть, да как же не быть, что ты разбойник что ли, или вор, ведь ты ходил почти всегда в собрание, псалмы почти все знаешь, чего тебе?

— Нет, Семёнович, молись Богу.

Семёнович выпрямился, пригладил свою большую нечёсаную бороду, сложил руки на груди, обвёл глазами больного и плачущего Ивана и начал молиться... Долго читал Семёнович псалмы, из которых состояла его молитва, в которой он ни слова не говорил перед Богом о грехах Федота и в которой ни разу не призвал имя Иисуса Христа, чтобы Он кровью своей очистил грехи дедушки Федота. Дедушка спокойно лежал и со вниманием слушал молитву. Закончив свою молитву, Семёнович поклонился до земли, затем наставлял дедушку Федота и для спасения его советовал ему творить добро и милостыню.

— Знаешь, Федот, вот грехи от милостыни тают, как воск от огня.

С этими словами Семёнович взял свою Библию, пожелал больному выздоровления и уехал.

Дедушка, проводя глазами уезжающего Семёновича и оставшись один, начал опять тосковать.

— Твори добро, милостыню, грехи тают, как воск от огня, но, когда же творить, ведь смерть вот-вот, а спасения в вере и надежде нет? Иван, — простонал дедушка. — Отвези Афанасу кулёк пшеницы, да может кто будет просить хлеба, не отказывай.

Вскорости Иваном была по разным адресам и направлениям отправлена и хлеб, и мука, и пшеница.

Болезнь дедушки все увеличивалась, грехи тяготили и мучили его, и всё больше и больше приходили на память слова верующих, которые не один раз говорили ему о необходимости

покаяться, указывая на то, что «все согрешили и лишены славы Божьей», но дедушка не сознавал себя грешником. Он говорил: «Мы же духовные, дети Авраама, что мне каяться, убирайтесь отсюда». Так относился он вообще к своему спасению и верующим, но теперь смерть и болезнь заставляли его сознать себя падшим грешником.

— Ох, Иван, Иван, позови Андреевича, может он помочь?

Через час у постели дедушки Федота уже стоял высокий бородатый старик, который также начал его успокаивать.

— Не бойся, Федотушка, ведь ты не распутник, ни вор, ни пьяница. Ведь ты от верующих родителей, а видишь, каково дерево, таковы и плоды. Да ты ведь был добрый, ходил в собрание, зверю не поклонился, и к образу его не припал, начертание на чело своё и на руку свою не крестил, в воду как баптисты не лазил, свинину не ел, что ты уже очень пугаешься. Мы вот за тебя помолимся, — и Андреевич начал задушевным голосом читать одну молитву за другой, псалом за псалмом, и закончив свою молитву, пожелал больному выздоровления и, надев свою большую шапку, тоже уехал.

Проводя его, дедушка не знал, что ему делать. Смерть приближалась, а спасения было от него очень далеко. Добра он уже всячески совершил, но надежды радости он не получил.

— А может быть, я напрасно страшусь, может я и в правду не злой? «Страшно впасть в руки Бога живого», вспомнил он слова, которые не прочитывал в Евангелии, но не раз слышал, как их пели в собрании. Теперь для него было страшно.

В доме было тихо. Сыновья и внуки с грустью выслушивали стоны своего любимого отца и дедушки. Им было жаль его, им хотелось бы помочь ему облегчить страдания, но они были бессильны. Если бы они могли молиться, то они охотно стали бы у одра своего любимого отца и дедушки на колени и просили бы Господа о его выздоровлении и о прощении ему грехов, но вот несчастье — они все не умели молиться. Хотя Иван знал порядочно молитвенных псалмов царя Давида и др., но он отлично знал, что эти молитвы были выражены Давидом, Моисеем лишь в их нуждах, и к дедушке по смыслу они не подходили и при всем их желании они молиться за дедушку не решились, да и не могли.

Печаль объяла всех; сердца всех домашних дедушки Федота были полны скорби. Около печи слышно было всхлипывание снохи Анисьи. Все они чувствовали, что они лишаются того, кто много потрудился для них. Устроил для них хозяйство, вскормил их всех, приучил их к делу.

Но вот дедушка несколько притих, стоны стали все реже и реже, вздохи стали тише. Все подошли к нему с заплаканными глазами. Он печально обвёл всех глазами, что-то хотел сказать, но смерть подкосила его жизнь и его не стало. Рыдавший Иван старался утешить плакавшую жену Анисью, внуки громко причитывали, соседи также не могли не плакать. Умер дедушка Федот без надежды, веры, с полным страхом.

Много погибает подобных жертв, и как жаль, что у нас так много слепых вождей, которые не ведут грешника к ногам всепрощающего Иисуса Христа, который кровью Своей хочет омыть и оправдать всякого приходящего к Нему, а ведут, если не к делам, так и к каким-либо святым, и люди всю жизнь поклоняются им, молят их о грехах, а спасения и прощения грехов не получают.

Всю жизнь уповают на добрые дела и безвозвратно гибнут в непрощённых грехах.

Автор Д.

Комментарии
